БИБЛОТЕКА СПОЛОХИ

190952 X

ВЛ. АЛ.
АМФИТЕАТРОВЪ-
КАДАШЕВЪ

ЗУМЪ-ЗУМЪ

ИЗДАТЕЛЬСТВО Е. А. ГУТНОВА
ВЪ БЕРЛИНѢ

ПР

PV

P3 ред. ф.

ВСѢ ПРАВА СОХРАНЕНЫ
ЗА АВТОРОМЪ

РУССКАЯ ТИПОГРАФІЯ Е. А. ГУТНОВА
БЕРЛИНЪ S 14, ДРЕЗДНЕРЪ ШТР. 82-83

СОДЕРЖАНІЕ

	Стр.
Отъ автора	7
Зумъ-Зумъ	9
Старый богъ	35
Солнечная пыль	59

ОТЪ АВТОРА

Помѣщенные въ этой книгѣ три разсказа, несмотря на различіе сюжетовъ, объединены тѣмъ, что я позволю себѣ назвать элементомъ фантастическимъ.

Подъ этимъ понятіемъ я подразумѣваю не дѣйственное участіе въ фабулѣ разсказовъ т. наз. „сверхъестественныхъ силъ", прямое — въ „Зумъ-Зумъ", двусмысленно-косвенное въ „Старомъ богѣ" и совершенно отсутствующее въ „Солнечной пыли", — но то обстоятельство, что всѣ три разсказа не претворяютъ взятыхъ изъ жизни фактовъ, и вызваны къ бытію явленіями, внѣшне отдаленными отъ ихъ темъ.

Такъ исходная точка „Зумъ-Зумъ" — мимолетное впечатлѣніе теплой и сырой осенней ночи, большого электрическаго фонаря и освѣщенныхъ имъ голубовато-серебристыхъ струй проливного дождя (причемъ мѣсто впечатлѣнія — не Петербургъ, а Москва). Первая мысль „Стараго Бога" зародилась при видѣ красно-бурыхъ кургановъ и холмовъ берега Дона и при воспоминаніи, что на нихъ нѣкогда стояли скифскія каменныя бабы. „Солнечная пыль", дѣйствительно, создана солнечной пылью, золотистою дымкою лѣтнихъ южныхъ предвечерій, съ ощущеніемъ которыхъ въ разсказѣ слита неуловимая память о дняхъ пребыванія автора въ Ялтѣ, въ его очень молодые годы.

Однако, разсказъ лишенъ автобіографическихъ чертъ въ прямомъ смыслѣ этого слова, со стороны фактической являясь вольнымъ, творческимъ вымысломъ.

Берлинъ
2 V 22.

Авторъ.

ЗУМЪ-ЗУМЪ

РАЗСКАЗЪ

„Là tout n'est qu'ordre et beauté
Luxe, calme et volupté."

Ch. Baudelaire. „Invitation au voyage".

ПРЕДИСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ

Вотъ уже больше года я работаю надъ рукописями моего покойнаго друга, Михаила Владиміровича Яловнина, съ твердой рѣшимостью выпустить въ свѣтъ сочиненія этого замѣчательнаго человѣка, подлиннаго мага и кудесника или, какъ онъ самъ себя любилъ называть, не «спирита, но спеціалиста-мистика».

Литературное наслѣдство М. В. огромно и состоитъ исключительно изъ неизданныхъ произведеній (М. В. никогда не печатался), большинство которыхъ найдено и мною въ архивѣ покойнаго.

Но нѣкоторыя данныя убѣдили меня въ томъ, что значительная часть цѣн-

наго наслѣдія Яловнина находится у различныхъ друзей и знакомыхъ М. В.

Я немедленно обратился съ просьбой представить мнѣ выше означенныя рукописи, и первымъ на мой призывъ откликнулся В. В. Васильевъ, предсѣдатель педагогическаго совѣта женской гимназіи гр. О. Н. Лассотицкой, лично мнѣ доселѣ незнакомый.

В. В. Васильевъ, которому спѣшу выразить глубочайшую признательность, прислалъ мнѣ объемистую рукопись моего покойнаго друга, озаглавленную: «Подробный и обстоятельный докладъ о событіяхъ, приведшихъ къ исчезновенію инженера А. П. Козихина, помощника директора цементнаго завода «Герстнеръ» въ С.-Петербургѣ».

Къ рукописи В. В. Васильевъ приложилъ письмо, выясняющее обстоятельства, послужившія поводомъ къ сочиненію «доклада».

Я излагаю ихъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

Въ одну апрѣльскую ночь, молодень-

кая барышня, дочь уважаемыхъ гг. Варгуновыхъ, которую за остренькій носикъ и черные, всегда веселые глазки прозвали Ласточкой, вернулась домой въ третьемъ часу, плачущая и разстроенная.

На разспросы испуганныхъ родителей она повѣдала, что причиной тутъ — странное поведеніе ея жениха, молодого инженера Алексѣя Павловича Козихина.

Ласточка и Алексѣй Павловичъ были въ оперѣ. Послѣ спектакля они позамѣшкались въ раздѣвальнѣ и, когда вышли изъ театра, на площади уже не было ни одного извозчика, а капавшій цѣлодневно мелкій дождикъ превратился въ зловѣще рокочущій по желѣзу крышъ и асфальтамъ тротуаровъ проливень.

Алексѣй Павловичъ, оставивъ Ласточку у театра, отправился за извощикомъ.

Но тщетно Ласточка ждала его возвращенія.

Пропалъ.

И недоумѣвающей барышнѣ пришлось итти одной по темнымъ и страшнымъ улицамъ, подъ холодными потоками дождя.

Варгуновы весьма взволновались таинственнымъ исчезновеніемъ нареченнаго зятя.

Многократно и многообразно доказанная любовь его къ Ласточкѣ устраняла возможность подколесинскихъ устремленій, а ровный, положительный нравъ — какое-нибудь фатально ведущее въ участокъ происшествіе.

Въ смятенномъ мозгу гг. Варгуновыхъ даже зародилась мысль о кровавомъ преступленіи и, когда на другой день выяснилось, что А. П. не возвращался ночевать на свою квартиру, въ меблированныя комнаты «Гвасталла», гг. Варгуновы сообщили о странномъ случаѣ властямъ.

Слѣдствіе велось тщательно, но всѣ поиски несчастнаго инженера остались безрезультатными.

Данныя же слѣдствія установили съ неопровержимой точностью:

1. Что А. П. ни въ роковую ночь, ни впослѣдствіи не покидалъ Петербурга.

2. Что, послѣ того, какъ онъ разстался съ Ласточкой, никто его не видѣлъ.

Этотъ пунктъ былъ нѣсколько сомни-

телень изъ-за показанія пот. поч. гражданина Максима Буцволка.

Пот. поч. гражданинъ Буцволокъ показалъ, что онъ, проходя въ часъ театральнаго разъѣзда, около Поцѣлуева моста, встрѣтилъ быстро несущійся столпъ неизреченнаго свѣта, обладавшій нѣкоторымъ сходствомъ съ предъявленной пот. поч. гражданину Буцволку слѣдователемъ фотографической карточкой Козихина. Однако, слѣдователь ходу показаніямъ этого свидѣтеля не далъ, ибо выяснилось, что въ ту же ночь пот. поч. гражданинъ Буцволокъ былъ задержанъ на Офицерской улицѣ городовымъ бляха № 1245 за то, что, испуская дикіе вопли: — ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ! вскачь мчался по тротуару. На допросѣ же, въ участкѣ, объяснилъ, что спасался отъ зеленаго змія, внезапно выползшаго изъ подворотни дома Третьяго Россійскаго Страхового Общества.

3. Что по характеру и образу жизни А. П. Козихинъ былъ человѣкомъ ровнымъ и положительнымъ. Хозяйка «Гвасталлы» называла его наилучшимъ изъ постояльцевъ, самымъ аккуратнымъ и

щепетильнымъ въ денежныхъ счетахъ. Такъ, въ послѣднюю ночь пребыванія его въ «Гвасталлѣ» онъ нечаянно разбилъ переносную электрическую лампу и на другое же утро внесъ въ контору цѣну разбитой, по его неосторожности, вещи — 11 р. 75 к.

4. Странностей за А. П. не замѣчалось. Только въ день исчезновенія онъ нѣсколько удивилъ m-lle Варгунову довольно загадочной декламаціей. Когда они ѣхали въ театръ, А. П. вдругъ поднялъ голову, какъ бы прислушиваясь, и спросилъ невѣсту:

— Вы слышите нѣжные зовы золотыхъ трубъ?

На предположеніе же барышни, что это, должно быть, автомобиль проѣхалъ, отвѣтилъ многозначительно:

— Возможно, и продекламировалъ:

«И о Незримой твердя,
Въ тучахъ таимой печали,
Въ воздухѣ, полномъ дождя,
Трубы такъ мягко звучали.»

Стихи и таинственныя фразы въ устахъ А. П. были явленіемъ совсѣмъ непри-

вычнымъ, и теперь m-lle Варгунова склонялась придавать имъ особый смыслъ. Но тогда она объяснила дѣло гораздо проще. Наканунѣ, на вечеринкѣ въ домѣ гг. Варгуновыхъ, среди женской молодежи имѣлъ большой успѣхъ нѣкто Радугинъ, молодой человѣкъ, любитель поэзіи. Успѣхъ этотъ, видимо, оказался не по сердцу А. П. и теперь своей неожиданной таинственностью — такъ подумала m-lle Ласточка — онъ просто хотѣлъ затмить Радугина.

Но, какъ бы тамъ ни было, m-lle Варгунова осталась »въ невѣстахъ печальною вдовицею«. Казалось ли ей это положеніе красиво-заманчивымъ или она, дѣйствительно, грустила по исчезнувшемъ г. Козихинѣ, но долго ни одинъ изъ многочисленныхъ претендентовъ на ея руку не могъ добиться взаимности.

Къ числу этихъ претендентовъ принадлежалъ и приславшій мнѣ рукопись Яловнина В. В. Васильевъ.

Однажды г. Васильевъ повѣдалъ свои огорченія по поводу Ласточкиной неприступности покойному М. В., съ которымъ былъ знакомъ довольно близко. Тотъ за-

интересовался страннымъ случаемъ и обѣщалъ произвести «свое» слѣдствіе. Черезъ нѣсколько дней онъ доставилъ В. В. Васильеву печатаемую ниже рукопись.

На m-lle Ласточку сочиненіе это произвело дѣйствіе по-истинѣ магическое: грусть ея исчезла, и въ самомъ непродолжительномъ времени она сочеталась законнымъ бракомъ, правда, не съ г. Васильевымъ, но съ сумскимъ гусаромъ, ротмистромъ Горицвѣтовымъ.

Издатель.

Подробный и обстоятельный докладъ о происшествіяхъ, поведшихъ къ исчезновенію инженеръ-технолога А. П. Козихина, помощника директора завода «Герстнеръ» въ С.-Петербургѣ.

Милостивый Государь
Викторъ Викторовичъ!

Счастливъ сообщить Вамъ, что предпринятые мною поиски безъ вѣсти про-

павшаго инженеръ-технолога А. П. Козихина увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Я, къ сожалѣнію, не имѣю права открыть Вамъ путей, которыми я пришелъ, къ познанію сей истины, но даю Вамъ честное слово, что сообщаемыя мною ниже странныя вещи совершенно вѣрны.

А. П. найденъ. Онъ счастливъ въ своей новой жизни, не намѣренъ возвращаться къ прежнему бытію и считаетъ извѣстную намъ обоимъ барышню свободной отъ даннаго ему ею слова вѣрности. Тѣмъ болѣе, что самъ г. Козихинъ давно женатъ. Правда, юридически врядъ ли его бракъ можетъ быть признанъ законнымъ. Супруга его, говоря строго, даже не женщина въ нашемъ смыслѣ слова, но, какъ по мнѣнію А. П., такъ и по-моему, это не мѣняетъ дѣла.

Прежде, чѣмъ перейти къ подробному изложенію событій, приведшихъ къ такому, въ сущности, счастливому концу, я долженъ сдѣлать нѣсколько необходимыхъ предпосылокъ, безъ коихъ происшествіе съ г. Козихинымъ станетъ окончательно непонятнымъ.

Соображенія мои коснутся вопроса о сущности бытія. Вамъ извѣстно, многоуважаемый Викторъ Викторовичъ, что, по-моему, бытіе является многогранной призмой, плоскости которой существуютъ въ условіяхъ, совершенно другъ отъ друга отличныхъ и, какъ правило, исключающихъ возможность взаимоперехода (конечно, въ теченіе самаго бытія. Я не касаюсь здѣсь великой тайны смерти, уже потому, что г. Козихинъ, какъ я упомянулъ выше, живъ).

Однако, бываютъ отступленія отъ общаго правила: надо помнить, что грани призмы суть плоскости пересѣкающіяся. Иногда, въ силу извѣстныхъ внѣшнихъ или внутреннихъ условій, человѣкъ поднимается на ребро грани, гдѣ наша временная и пространственная жизнь соприкасается съ мірами запредѣльными, и тогда вполнѣ возможно, что, не удержавшись на остромъ ребрѣ, человѣкъ скользнетъ Т у д а.

Именно такой случай произошелъ съ уважаемымъ А. П.

Почему? Вопросъ трудный. Ни обстоятельства прежней жизни, ни душевныя

предрасположенія г. Козихина не дадутъ намъ ключа.

Многочтимый А. П. — фигура на рѣдкость ординарная, «одинъ изъ многихъ», — никогда не испытывалъ того, что я позволяю себѣ назвать «мистическимъ опытомъ», и выпавшее на его долю нарушеніе законовъ естества надо объяснить вмѣшательствомъ Высшей Силы, пути Которой неисповѣдимы.

Перехожу къ изложенію фактической стороны дѣла.

Началось съ вечера у гг. Варгуновыхъ. Не стану описывать этого маленькаго праздника. Вамъ хорошо извѣстенъ обычный тонъ варгуновскихъ вечеровъ — музыка, танцы, легкій flirt.

Въ числѣ гостей находился также Иларіонъ Ипполитовичъ Радугинъ. Онъ плѣнялъ барышенъ утонченностью своей натуры и читалъ стихи собственнаго сочиненія. Одно изъ нихъ, сыгравшее нѣкоторую роль въ нашей исторіи, я привожу здѣсь:

Луна — словно новый цѣлковый
На синее брошенъ сукно, —

И вечеръ лазурно-лиловый
Украдкой стучится въ окно.
Ахъ, сказкою вѣетъ старинной
Отъ этихъ серебряныхъ крышъ,
И кажется жизнь такой длинной
И скучной, какъ мокрый камышъ,
И кажется, такъ безпріютно
Былъ прожитъ угаснувшій день...
Приди мимолетно, минутно
Забытой любовницы тѣнь!
Чтобъ вызвать тебя, есть заклятья,
Да ихъ не припомню никакъ...
Но лучше не буду страдать я
И съ горя отправлюсь въ кабакъ.

Вышеприведенные стихи и, въ особенности, фраза Радугина: «Если я брошу лампу въ стѣну и оттуда вылетитъ жаръ-птица, я стану счастливѣйшимъ человѣкомъ», сильно подѣйствовали на А. П. Онъ сдѣлался молчаливъ, задумчивъ и весь вечеръ не примѣчалъ ласковыхъ и любовныхъ взоровъ, то и дѣло бросаемыхъ на него Ласточкой.

Въ этомъ я усматриваю ясное указаніе, что А. П, былъ уже волей Невѣдомой Силы приближенъ къ мірамъ инымъ. Ибо я имѣю удовольствіе лично знать И. И. Радугина, который одно время даже

принадлежалъ къ числу моихъ адептовъ, пока природное легкомыслiе не увлекло его на совсѣмъ иные пути. Это человѣкъ въ высшей степени милый, остроумный, добрый, но элементовъ для смутительнаго впечатлѣнiя въ немъ нѣтъ. Очевидно, подсознательная сфера души А. П. за ветхой корой радугинскихъ словъ уже, прислушивалась къ зовамъ и отзвукамъ долетавшимъ О т т у д а.

Съ вечеринки А. П. возвращался домой одинъ.

Стояла свѣтлая, теплая ночь. Улицы были совершенно пусты.

Полный луною, ясный и тихiй, какъ вода, воздухъ мягко текъ надъ домами, и бѣлой скатертью убѣгала вдаль полоска чистой, словно только что вымытой, мостовой. Жемчужно свѣтилъ застекленный газъ. Пахло тополями.

Было въ этой ночи что-то странное. Какъ будто нѣкое волшебство разливалось надъ спящимъ городомъ: лунный свѣтъ вкладывалъ живую душу и въ стѣны домовъ, и въ камни мостовой, и въ

бѣло-грустный блескъ газовыхъ фонарей. Впервые извѣданное, томительное чувство охватывало душу Козихина. Въ умѣ неотступно звенѣла фраза изъ стиховъ Радугина:

«Ахъ, сказкою вѣетъ старинной
Отъ этихъ серебряныхъ крышъ.»

И было жалко, до боли жалко, что прожилъ человѣкъ до двадцати семи годовъ, а ничего необычайнаго съ нимъ никогда не случалось. Не то что блуждающаго мертвеца или призрака, галлюцинаціи слуха не могъ припомнить А. П.

Въ такомъ состояніи явился онъ домой. И, когда на столикѣ молочно-нарядномъ свѣтомъ загорѣлся бѣлый тюльпанъ, невольно припомнилась фраза Радугина:

— Если я брошу въ стѣну лампу, и изъ нея вылетитъ жаръ-птица...

А. П. схватилъ лампу.

— Господи Боже. Что я дѣлаю? Глупость какая! мелкнуло въ его головѣ, но уже звономъ разбитаго колпака и трескомъ лопнувшей электрической груши

огласился № 17 меблированныхъ комнатъ «Гвасталла».

Жаръ-птица изъ стѣны, однако, не вылетѣла и фантастическое настроеніе А. П. исчезло. Ворча о декадентскихъ глупостяхъ, доводящихъ человѣка чортъ знаетъ до чего, Козихинъ направился къ постели.

Неожиданный стукъ въ дверь привлекъ его вниманіе. Онъ отперъ.

Передъ нимъ стояла женщина вида страннаго... Средняго роста, съ каштановыми волосами и большими, хрусталю подобными, прозрачными глазами, пестро одѣтая во что-то красно-голубое съ золотомъ, она была вся струящаяся, свѣтлая, словно лучистая.

— Сударыня, удивленно спросилъ А. П. — чѣмъ могу служить?

Женщина знакомъ показала, чтобы онъ заперъ двери и спокойно усѣлась передъ письменнымъ столомъ. Это А. П. не понравилось.

— Сударыня, сердито сказалъ онъ, — потрудитесь объяснить...

Женщина укоризненно покачала головой. Взяла со стола портретъ Ласточки, бросила на полъ и презрительно оттолк-

нула ногой. Фотографія Козихинской невѣсты отлетѣла въ дальній уголъ, а женщина скрестила на груди руки и засмѣялась прямо въ лицо А. П.

— Сударыня, ваше поведеніе...возопилъ тотъ. — Какъ понять его? Кто вы? Зачѣмъ вы? Почему вы? Или, быть можетъ, вы — та самая жаръ-птица, которую я вызывалъ, какъ дуракъ, разбивъ электрическую лампу? Въ такомъ случаѣ, видна птица по полету. Поведеніе ваше столь же глупо, сколь было глупо мое собственное.

Женщина засмѣялась еще пуще.

— Я Зумъ-Зумъ... сказала она.

— А если Зумъ-Зумъ, то и зумзумте гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Меня же прошу оставить въ покоѣ.

Съ этими словами Козихинъ повернулся къ двери.

Но Зумъ-Зумъ легко и мягко вскочила съ кресла, подбѣжала къ А. П. и положила тонкія, теплыя руки ему на плечи.

— Милый, не сердись, заговорила она, заглянувъ въ его лицо хрустальными и прозрачными очами своими, не сердись, дорогой... Я такъ хочу, чтобы ты остал-

ся со мною навсегда... навсегда... А пока не выполнено мое желаніе, я не успокаиваюсь, мятуюсь и капризничаю, милый, родной, дорогусенька... За это у насъ меня и прозвали Зумъ-Зумъ.

— Гдѣ это у васъ? На Нижней или на Верхней Болвановкѣ? думалъ съязвить Козихинъ.

Но язва его, entre nous soit dit, болѣе, чѣмъ плоская, была принята Зумъ-Зумъ съ равнодушіемъ.

— Нѣтъ, въ Элефантинѣ.

— Элефантина? Это что же, собственно, ресторанъ такой или кафе-шантанъ? Или, можетъ быть, кинематографъ?

— О, нѣтъ, дорогой. Элефантина — не то, что ты думаешь. Элефантина моя родина. Я хочу тебя увести туда... Потому ты мнѣ нравишься, и ты—мой.

— А гдѣ она находится, твоя Элефантина?

— За большимъ стекломъ, дорогой... Ахъ, какъ найти слова, чтобы описать прелесть ея, милый. У насъ есть зеркальное озеро, задремавшее въ темно-зеленыхъ моховыхъ берегахъ, и на берегу его красный замокъ съ высокой, высокой

башней. Замокъ отражается въ озерѣ, и кажется, что ихъ два: одинъ—какъ слѣдуетъ, а другой—вверхъ ногами. У окна сидитъ принцесса въ жемчужной коронѣ, и въ платьѣ, съ длиннымъ шлейфомъ голубого шелка. Она всегда поетъ пѣсенку, одну и ту же пѣсенку.

Тики-тики-такъ,
Трики-трики-тракъ.

Восковые лебеди подплываютъ, разрѣзая бѣлою грудью воду, къ окнамъ замка, и принцесса бросаетъ имъ хлѣбныя корки. А они кивaютъ головками и говорятъ по-итальянски:

— Grazie, Eccellenza!

— Почему по-итальянски? Какое озеро? Какая царевна? заволновался Козихинъ.

Но Зумъ-Зумъ душистыми руками зажала ему ротъ.

— Постой, постой...Не говори ничего... только слушай меня, слушай, милый.... Не кончаются чудеса страны моей... Есть темный уголокъ, гдѣ пахнетъ сладко, ванилью и корицей. Тамъ, подъ навѣсомъ, пунцовыми звѣздами расцвѣли большіе цвѣты съ круглыми лепестками, тамъ качаются тяжелыя кисти желтыхъ скобокъ

банана, тамъ сидитъ черный арапъ и говоритъ арапскія стихотворенія. Онъ страшный, зиркаетъ глазищами, зубы скалитъ на потѣху розовымъ обезьянамъ,что прыгаютъ безъ устали по вѣернымъ пальмамъ, простершимъ вырѣзныя вѣтви надъ арапскимъ логовомъ. Но я то его не боюсь. Знаю, онъ добрый. Придешь—ручку поцѣлуетъ, бананомъ угоститъ, ручного кенгуру позволитъ погладить.

— Чепуха, чепуха, уже слабѣя, отмахивался Козихинъ отъ Зумъ-Зумъ.

Противъ воли, пьянили, дурманили шелесты ея рѣчей, и казалось, отъ нея самой пахнетъ сладкимъ, какъ отъ банановъ таинственнаго арапа. И хотѣніе странное зарождалось: увидѣть смѣшной и сказочный край, о которомъ болтала нежданная негаданная гостья ночная.

— Чепуха? засмѣялась Зумъ-Зумъ. Чепуха? Не былъ ты на нашей главной улицѣ. Длинная, длинная, и дома на ней пестренькіе. На каждомъ башенка, на башенкѣ—колокольчикъ. Вѣтеръ играетъ на колокольчикахъ вальсы, польки. И все танцуетъ, все танцуетъ подъ колокольчикову музыку.

Голубой гусарикъ съ фарфоровой дамой, у которой—платье въ золоченыхъ цвѣточкахъ, а глаза синѣе моря. Китайцы съ бѣленькими дѣвочками, веселый ушанъ-заяцъ съ турчанкой въ зеленныхъ шальварахъ.... вертимся, вертимся, блестимъ и звенимъ, радостные. Только Великій Слонъ не пляшетъ. Онъ—нашъ богъ. Сидитъ на мраморномъ пьедесталѣ, смотритъ на веселье. Мы его не боимся—онъ добрый. Можно къ нему на спину вскочить и за ухомъ почесать. Любитъ. А еще любитъ, когда сахарцу принесешь... Милый, пойдемъ со мною къ намъ, къ арапу, къ принцессѣ зеркальнаго озера, къ Великому Слону. Мы добрые, мы счастливые, и нѣтъ у насъ въ Элефантинѣ, за большимъ стекломъ, другого закона, кромѣ любви и радости. Пойдемъ, родной. Ты слышишь, запѣли призывныя золотыя трубы. Ты слышишь веселые голоса нашихъ, манящіе тебя? Слышишь, любимый? Слышишь?

Козихинъ ничего не понималъ. Теплыя, мягкія, шелковыя руки Зумъ-Зумъ гладили его щеки, неотступно глядѣлъ въ ду-

шу хрустально-прозрачный взоръ, и сладко ныло сердце отъ томнаго и прянаго запаха, —то ли сирень распустилась душистая, то ли пролили тонкіе и острые духи?.. Мягко взлетая къ вдругъ расцвѣтшему яркими цвѣтами потолку, неслись нѣжные переливы золотыхъ трубъ, и тихіе голоса пѣли:

Забудь земныхъ страстей ненужныя томленья,
Любовью новою, непознанной гори.
Апрѣльской ночи сладки сновидѣнья,
Какъ лучъ, загрезившій подъ отблескомъ зари.
Забудь про шумъ людского каравана,
Всегда несносный, пусто-глупый шумъ,
Спѣши подъ сѣнь бумажнаго банана,
И полюби веселую Зумъ-Зумъ.
Вѣдь, ваша жизнь — нелѣпыя крутины
Нелѣпо перемѣшанныхъ цвѣтовъ.
Ахъ, ждутъ тебя сады Элефантины,
Сады безгорестныхъ и завершенныхъ сновъ!

И, подъ обаяніемъ чудодѣйства милой волшебницы, стала для Козихина его прошлая, ровная и спокойная жизнь глупой, ненадобной, а любовь къ Ласточкѣ смѣшною и маленькой. И показалось, что въ золотомъ пѣніи трубъ, въ нѣжномъ шопотѣ Зумъ-Зумовыхъ рѣчей нисходитъ на него счастье...

Наклонился онъ къ губамъ ночной гостьи и всего себя отдавая ея непонятной, но уже милой волѣ, сказалъ:

— Иду...

Вотъ, собственно, все, многоуважаемый Викторъ Викторовичъ.

Правда, на другой день ночное приключеніе показалось А. П. смѣшнымъ, хотя и поэтичнымъ сномъ, но сердце его уже было ранено любовной тоской по таинственной странѣ Зумъ-Зумъ...

Этимъ и объясняется его странное поведеніе съ Ласточкой по дорогѣ въ театръ, декламація стиховъ Иннокентія Анненскаго («И о Незримой твердя» и т. д.), содержаніе которыхъ такъ подходило къ его настроенію, разговоръ о золотыхъ трубахъ и т. д.

И, когда, отправившись искать извозчика, онъ остался одинъ на пустой улицѣ, и изъ изнизанныхъ голубымъ электрическимъ свѣтомъ дождевыхъ струй снова возникъ передъ нимъ милый образъ Зумъ-Зумъ, забылъ онъ о невѣстѣ и пошелъ за той, которая обѣщала ему неомраченное счастье...

Здѣсь я считаю задачу разслѣдованія законченной, ибо описаніе нынѣшней счастливой жизни А. П. и Зумъ-Зумъ не входитъ въ мои цѣли.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи отъ искренне уважающаго Васъ

Михаила Яловнина.

P. S. Я много думалъ о лучезарномъ столпѣ, видѣнномъ пот. поч. гражданиномъ Буцволкомъ. Имѣетъ ли онъ отношеніе къ исторіи А. П. и Зумъ-Зумъ? Прихожу къ убѣжденію, что нѣтъ. Лучезарный столпъ появился по какому-то другому дѣлу, а вѣроятнѣе всего, привидѣлся пот. поч. гражданину съ пьяныхъ глазъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ ИЗДАТЕЛЯ

Недавно жена моя пріобрѣла для дѣтей въ игрушечномъ магазинѣ куколку, — молодого человѣка, физіономія котораго удивительно напоминаетъ фотографію безслѣдно пропавшаго А. П. Козихина. Куколка эта пользуется у моихъ дѣтей большимъ почетомъ, ибо, по ихъ мнѣнію, она — не деревянный, а заколдованный живой человѣкъ.

Издатель.

С.-Петербургъ
28 декабря 1916 г.

СТАРЫЙ БОГЪ

„Не трогай въ темнотѣ
Того, что незнакомо,
Быть можетъ, это тѣ,
Кому привольно дома."

Ѳедоръ Сологубъ.

I

Фельдмаршалъ закрылъ засѣданіе. Громко двигая стульями, генералы встали изъ-за стола. Лоренти подошелъ ко мнѣ:

— Дай Богъ удачи, сказалъ онъ, крѣпко пожимая мою руку.

Странная для всегда суроваго старика ласка почуялась въ этихъ словахъ, и я сразу понялъ, какъ опасно мое предпріятіе. Конечно, и раньше мнѣ было хорошо извѣстно, что мой планъ, въ случаѣ болѣе, чѣмъ вѣроятной неудачи, грозитъ гибелью, но до ласковыхъ словъ стараго побѣдителя при Альтахэмѣ я какъ-то внѣшне и безтревожно относился къ

опасностямъ и трудностямъ, предстоящимъ мнѣ. Сейчасъ же, всѣмъ существомъ я ощутилъ отчаянное безумiе моей политики, и мнѣ стало не по себѣ.

Встревожился я не за себя: привыкъ скользить надъ очень глубокими пропастями. Но мнѣ вспоминилось, что Эсмеральда не хочетъ оставаться безъ меня въ осажденной столицѣ, а еще не случалось, чтобы Эсмеральдины прихоти были не исполнены.

Ночь кончалась, когда я вышелъ изъ зданiя Главнаго Штаба на прямую стрѣлку Силлерiйской Аллеи.

Зеленоватый разсвѣтъ медленно раскрывался въ чистомъ стеклянномъ небѣ, Было тихо. Изрѣдка, цокая копытами. проѣзжалъ конный патруль, да время отъ времени глухо ударяло орудiе на Западныхъ Высотахъ. Я миновалъ паркъ, надъ темными липами котораго небо уже румянилось золотисто-розовыми улыбками ранней зари, и углубился въ путанный лабиринтъ переулковъ Прирѣчной части.

Скоро между домами блеснула свинцовая полоска воды.

На набережной высокій матросъ, увидѣвъ меня, быстро вскочилъ съ бревенъ, на которыхъ расположился закусить кружкомъ сыра.

— Гдѣ барышня?

— Въ сторожкѣ. Отдыхаетъ.

Я вошелъ въ сторожку.

Эсмеральда спала на деревянной скамьѣ, подложивъ подъ голову руки. Я осторожно разбудилъ ее.

Она быстро вскочила и ласково мнѣ улыбнулась. Въ мужскомъ костюмѣ, въ легкой полотняной, съ разстегнутымъ воротомъ блузѣ, въ высокихъ сапогахъ, со стриженными, мелко завитыми волосами, она походила на шалуна-школьника.

— Ну, что?

— Ѣдемъ... Но, Эсмеральда, планъ Делане отвергнутъ. Принятъ мой: черезъ степь.

— Прекрасно.

— Какъ же ты? Путешествіе черезъ степь не для женщинъ.

— Я умру отъ тоски, если въ слѣдующую пятницу не увижу принца. Конечно Его Высочество — лошадь съ длинными ушами, но поймите тайны женской души,

— страстная жажда увидѣть этого неподобнаго господина обуреваетъ меня.

— Твои шутки очень остроумны, но Эсмеральда... Дьяволъ тоже не безъ изящества подшутилъ Красной Степью.

— Очень рада. Сатанинскіе каламбуры — прелюбопытная вещь. Вообще не понимаю вашего ужаса передъ степью. Путешествіе по рѣкѣ болѣе опасно. Рѣка подъ обстрѣломъ, по берегу шныряетъ конница, опять же мониторы Нидерфальда.

— Красная Степь, Эсмеральда, хуже мониторовъ.

— Тѣмъ болѣе пріятно. Обожаю опасность. Вообще прошу васъ помнить, что путешествіе съ вами для меня — пикникъ, а я никогда не отказывалась ни отъ одного пикника.

II

Страшна Красная Степь въ жаркій августовскій полудень.

Неисходными струями падаетъ солнце съ горячаго неба. Вплоть до горизонта, гдѣ въ сизо-знойномъ туманѣ смутно круглятся старые курганы, стелется гладкая, выжженная земля.

Тишь. Лишь изрѣдка еле слышно прошелеститъ толстая и короткая змѣя, лѣниво волочащая скользкія звенья черезъ взбугренную красными горками мелкой пыли дорогу. Неясный древній ужасъ, темная древняя тоска стоятъ надъ степью.

Въ этотъ часъ полуденнаго покоя старые хозяева снова воцаряются въ Красной Степи. Тѣ самые, что нѣкогда поднимали изъ ея обожженной земли несмѣтныя орды низкорослыхъ свирѣпыхъ всадниковъ и вихремъ несли ихъ на сѣверъ, къ бѣлостѣннымъ городамъ.

Минула власть старыхъ хозяевъ.

Но смутной памятью о нихъ грезятъ по курганамъ сѣрые безобразные истуканы, съ безстыдной улыбкой на толстыхъ каменныхъ губахъ.

Вѣдомо безстыжимъ истуканамъ, что въ жаркіе августовскіе полудни снова властна надъ Красной Степью сила ея старыхъ боговъ.

Ихъ темной и жесткой волѣ предается осмѣлившійся вступить въ эти предѣлы запустѣнія. И, чуя надъ собою власть злого и непонятнаго врага, содрогается невольно сердце, смятенное передъ безкрайными пространствами.

Вотъ уже третій день мы затеряны въ однообразныхъ просторахъ. Унынiемъ полнится душа. Даже Эсмеральда притихла. Первый день веселилась и, хотя былъ нашъ путь тяжелъ и труденъ, но порхающая радость милой вѣтреницы заставляла забывать труды.

Мы смѣялись, глядя, какъ гордо красуется она въ сѣдлѣ, какъ горячитъ нетерпѣливаго коня. Мы смѣялись, когда въ мертвую тишину пустыни она бросала сверкающія золотомъ шампанскаго и

горячечнымъ блескомъ электрическихъ дугъ пѣсни, которымъ еще такъ недавно рукоплескала публика столицы.

Мы смѣялись, когда она представляла тріумфъ, ожидающій ее въ арміи принца, или изображая негодованіе Нидерфальда, узнавшаго, что нѣсколько отчаянныхъ головъ вырвалось изъ кольца осады, смѣшно надувала щеки, пытаясь изъ прекраснаго лица своего сдѣлать нѣчто, похожее на лунообразную физіономію непріятельскаго главнокомандующаго.

Даже мрачный проводникъ Лизимахъ дѣлалъ страшную рожу, долженствовавшую изображать улыбку, когда Эсмеральда начинала приставать къ нему:

— Признавайся, черный дьяволъ, вѣдь ты тайно поклоняешься степнымъ истуканамъ?

Но на второй день пустыня побѣдила.

Эсмеральда не жаловалась и не злилась.

Было нѣчто, болѣе примѣчательное. Впервые за три года нашей любви видѣлъ я ее такой тихой и задумчивой. Низко опустивъ голову, молча ѣхала она. Иногда поднимала длинныя стрѣлы рѣсницъ и пристально, съ выраженіемъ неизъяснимымъ, смотрѣла въ сизо-желтый гори-

зонтъ. И въ томной, съ поволокою, синевѣ ея глазъ читалъ я безпокойство, быть можетъ, непонятное ей самой. Казалось, темное предчувствіе тревожитъ ея душу, содрогнувшуюся передъ страшными просторами Красной Степи.

Нетерпѣніе овладѣвало ею время отъ времени. Раздраженно стукнувъ хлыстомъ по запыленнымъ голенищамъ, она давала шпоры коню и, обгоняя нашъ маленькій караванъ, летѣла вскачь въ жаркую мглу пустыни. Но проходилъ порывъ, и снова была Эсмеральда тиха и тревожно задумчива.

III

На третій день, къ вечеру, Лизимахъ, показавъ на легшую по красной землѣ причудливымъ завиткомъ зеленую ленту, сказалъ:

— Чортовъ провалъ! Отдыхъ и вода.

Черезъ полъ-часа передъ нами раскрылся глубокій оврагъ. Упругіе и колючіе кусты дикой розы взбѣгали по обрывистымъ крутосклонамъ. Отрадной свѣжестью и острымъ сигарнымъ запахомъ магдалиновой травы вѣяло со дна балки. Надъ обрывомъ, подобно большому Г, изогнулся кустъ шиповника, усыпанный бѣло-розовыми звѣздами цвѣта. Рядомъ одинъ изъ тѣхъ истукановъ, что разбросала по степи вѣра и воля ея древнихъ насельниковъ. Безстыдной улыбкой кривятся толстыя тяжелыя губы на едва намѣченномъ лицѣ. Связаны камнемъ ноги, и круглыми нарывами топорщатся грубо

изваянныя груди. Высится надъ проваломъ, стережетъ кладъ этой земли смерти—воду.

Радость близкаго отдыха и прохлада оживляютъ Эсмеральду. Золотистыми огоньками вспыхиваютъ ея синія очи, просверкиваетъ жемчугомъ зубовъ румяная улыбка...

— О-ла-ла! радостно кричитъ она и, давъ шпоры лошади, вихремъ подлетаетъ къ истукану.

Вѣжливо снимаетъ шляпу. Съ лукаво-изящнымъ смиреніемъ кланяется идолу.

— Здравствуйте, уважаемый дѣдушка.

Нагнувшись съ сѣдла, срываетъ гибкую пахучую вѣтвь шиповника, прикалываетъ на грудъ къ грубому полотну блузы.

— Souvenir, о вашей милости, дорогой дѣдушка. Повѣрьте, никогда, никогда не забуду васъ. Toute à vous, excellence!

Сладокъ отдыхъ послѣ труднаго пути. Весело потрескиваетъ костеръ, бросая розово-золотыя тѣни на сѣрые валуны, межъ коихъ, словно разсыпанная ртуть, блеститъ драгоцѣнная вода.

Эсмеральда расшалилась. Поетъ «Изящную Блондинку». Кэкъ-Уокомъ обходитъ костеръ.

Зато Лизимахъ рѣзко измѣнился. До сихъ поръ старикъ не могъ нарадоваться: никогда еще не проходилась Красная Степь такъ легко. Обычно двѣнадцать дней тяжкихъ блужданій, а мы за трое сутокъ сдѣлали чуть-ли не полъ-пути.

Но сейчасъ Лизимахъ недовольно хмурится: какой-то испугъ чувствуется въ его неожиданномъ безпокойствѣ. Начинаю разспрашивать. Сначала не хочетъ говорить, потомъ, нехотя, признается: бѣда въ сорванной Эсмеральдой вѣткѣ шиповника.

— Зачѣмъ, бырышня, зачѣмъ? Нехорошо... Какъ нехорошо...

— Да что нехорошо, черный чортъ?

— Нельзя женщинѣ трогать этого куста. Мужчинѣ можно. Мужчинѣ онъ даетъ силу и крѣпость, а женщину посвящаетъ пустынѣ. Теперь у васъ, барышня, не будетъ мужа. Возьметъ васъ Красная Степь. Возьметъ старый богъ.

— Не будетъ мужа? Великое горе... Ихъ у меня столько было. Надоѣли. А потомъ, Лизимахъ, не отдадутъ меня поклонники твоему старому богу. Толстый Везель... Все-таки онъ главнокоманду-

ющій... Маркизъ Эльфинстонъ. Наконецъ, самъ принцъ. На нихъ, пожалуй, твой идолъ сломаетъ зубы, хохочетъ Эсмеральда.

Но еще суровѣе дѣлается черное лицо нашего проводника:

— Не смѣйтесь, барышня. Пустыня не любитъ, когда въ ней смѣются. Лучше передъ сномъ помолитесь своему Ангелу, чтобы завтра не погнались за вами тѣ, кому вы легкомысленно отдали свою душу и тѣло.

— Это кто же такіе, Лизимахъ?

— Старый богъ... Пустыня... Красная Степь...

Постепенно караванъ нашъ засыпаетъ. Только Эсмеральда и я не спимъ.

Кругомъ темно и тихо. Черная и душная, медленно стекаетъ ночь съ приниззившагося неба. Яркимъ пятномъ блещетъ костеръ, но уже въ двухъ шагахъ отъ него бархатной стѣной вздымается знойная потьма. Странные вздохи и шелесты исходятъ изъ нея. Роятся въ ней сонмы давно забытыхъ тѣней и странныхъ сновъ, причудливыхъ и опасныхъ. Не тѣхъ-ли, которыми грезятъ каменныя го-

ловы древнихъ истукановъ, много вѣдающихъ идоловъ съ безстыдною улыбкой?

Эсмеральда молчалива. Жуть душной ночи властна и надъ нею. Она капризно морщитъ брови: ей тяжка покорность темной волѣ ночной пустыни. Со злостью рветъ пахучую магдалиновую траву и, пожевавъ горьковатые и жесткіе стебли, бросаетъ ихъ въ догорающій костеръ. Взвивается острый языкъ золотистаго пламени, на мигъ вырывая изъ тьмы почти черные кусты шиповника, и словно изгрызанные чудовищными зубами, скаты оврага. Въ глазахъ Эсмеральды тогда тоже вспыхиваютъ золотистые огоньки, и лицо ея дѣлается задорнымъ и хитрымъ, словно она придумываетъ новую шалость.

— Интересно, какія у меня будутъ дѣти отъ неизбѣжнаго, по словамъ Лизимаха, союза съ идоломъ? внезапно спрашиваетъ она.

Отъ этихъ словъ мнѣ дѣлается не по себѣ: они кажутся безмѣрной дерзостью. Странная жалость къ Эсмеральдѣ переполняетъ меня: чудится мнѣ, что ея вызова не забудутъ, припомнятъ и жестоко за него отомстятъ.

— Эсмеральда, говорю я, — въ Красной Степи не смѣшно многое, очень смѣшное у насъ, въ городѣ. Поэтому не смѣйся надъ моимъ совѣтомъ говорить съ уваженіемъ объ истуканѣ. Я не увѣренъ, что онъ — не истинный богъ и хозяинъ этой проклятой земли.

Смутная тревога мгновенно проскальзываетъ въ глазахъ Эсмеральды.

— Ты, пожалуй, правъ, задумчиво отвѣчаетъ она, но сейчасъ же опять загорается синева ея очей безмѣрной веселостью дерзкаго вызова.

И, поднявъ голову туда, гдѣ надъ проваломъ смутно высится громада древняго истукана, она кричитъ звонкимъ голосомъ, какимъ однажды, когда въ „Тиволи" враждебная клака не давала ей пѣть, бросила въ публику: — Негодяи!

— Эй, старый хрычъ, берешь ты меня въ любовницы?

И тутъ свершилось страшное. Глубокимъ вздохомъ отвѣтила степь на крикъ женщины. Гдѣ-то, въ пододонной глубинѣ этой земли смерти и запустѣнія что-то грозно зарокотало, какъ большой встревоженный звѣрь. И

столько темнаго ужаса таилось въ рокотѣ, что я, вскочивъ и выхвативъ револьверъ, безъ цѣли и безъ смысла сталъ стрѣлять въ ночную мглу. А рядомъ со мною, дико визжа и крича неясныя ругательства, также безцѣльно стрѣляла Эсмеральда.

IV

Круглой мѣдной бляхой, въ дымкѣ желтаго пара, выкатывалось солнце надъ краснымъ блюдомъ пустыни.

Лизимахъ тревожно всматривался вдаль, качалъ головой и усиленно гналъ лошадей.

Тусклое солнце съ трудомъ пробрасывало лучи сквозь дымную вуаль тумана. Удушливый зной, словно плотная густая жидкость, окружалъ насъ, и казалось, что воздухъ липкій, тягучій, какъ варенье. Нестерпимо горячими струями медленно вползало за воротъ блузы это варенье. Что-то настороженное, чутко-выжидательное чуялось въ красной мглѣ, ровно и плоско покрывавшей небосводъ.

Къ полудню всталъ легкій вѣтерокъ и тонкими струйками взметеннаго песка задымились вершины бугровъ.

Лизимахъ быстро повернулся ко мнѣ.

— Капитанъ, не жалѣйте лошадей. Какъ можно скорѣе, должны мы попасть къ Барсучьимъ Норамъ. Видите? И онъ показалъ на курящіяся верхушки кургановъ.

— Что это?

— Это вѣтка шиповника. Пустыня гонится за нами.

Буря разразилась раньше, чѣмъ мы доѣхали до Барсучьихъ Норъ. Вдругъ ударилъ рѣзкій вѣтеръ, едва не опрокинувъ насъ вмѣстѣ съ лошадьми, потомъ снова стало тихо. Съ сѣвера, какъ-то сразу, страшнымъ занавѣсомъ взвилась исчерна синяя туча, испещренная желтыми пятнами, словно брюхо ядовитой змѣи. И снова, какъ тогда ночью, вздохнула Красная Степь, гулкимъ рыканьемъ задрожало пространство, изъ подземныхъ глубинъ всталъ могучій и жалобный стонъ, словно плачъ многихъ тысячъ большихъ и сильныхъ звѣрей, запертыхъ въ темной неволѣ. Онъ ширился и росъ, заполняя кругъ неба и земли, и страшныя, испятнанныя желтымъ облака отвѣчали ему короткими блесками косой молніи и сразу взвившимся свистомъ тысячи флейтъ.

Казалось, сама смерть обрушилась на насъ. Желтымъ сумракомъ наполнилась окрестность. Земля ожила: странныя существа, злыя и причудливыя, поднялись изъ ея встревоженныхъ нѣдръ, витые смерчи и черныя тромбы дьяволскими хвостами заплясали по степи, бѣшено несся взметенный песокъ. Едва держась въ сѣдлахъ, ослѣпленные, полузадушенные, мы мчались, сами не зная, куда. Обезумѣвшіе отъ страха кони, словно змѣи, вытягивались надъ взбунтовавшейся землей, и, казалось, не касались ея копытами.

Лизимахъ обернулся ко мнѣ, показывая рукою на вдругъ выросшій въ желтой мглѣ холмъ. Я понялъ, что тамъ спасеніе.

Передъ нами открылась небольшая пещерка, вывѣтренная въ хрупкомъ, сухомъ грунтѣ холма. Я посторонился, чтобы пропустить Эсмеральду первой подъ спасительный кровъ, и въ это время меня сбросило съ сѣдла.

Я ударился головою о каменъ, и что было дальше, я помню какъ сквозь сонъ, страшный, смертный сонъ.

Мнѣ послышался суровый голосъ Лизимаха, властно сказавшій что-то.

Потомъ ко мнѣ наклонилось милое лицо Эсмеральды. Послѣдній разъ передо мною зацвѣли ея синія очи. Я почувствовалъ влажный, теплый поцѣлуй... Донесся полузаглушенный воемъ вѣтра топотъ коня.

А дальше были желтая муть и темный страхъ.

Я очнулся въ свѣтлой комнатѣ. У моей кровати стояли принцъ и Рене Эльфинстонъ.

— Бумаги, бумаги отъ фельдмаршала? была моя первая мысль.

— Не безпокойтесь. Все хорошо, ласково отвѣтилъ принцъ.

— Эсмеральда? вспомнилъ я что-то тревожное и страшное.

Принцъ странно заторопился. Закусилъ губы.

— О ней потомъ... потомъ...

Я долго болѣлъ и выздоровѣлъ только къ тому дню, когда наши войска вступили въ освобожденную столицу.

Я никогда не узналъ, какъ погибла Эсмеральда.

Но меня часто тревожитъ одинъ сонъ. Мнѣ снится безобразная фигура стараго бога и кустъ шиповника надъ узкою балкою. Мнѣ снится Эсмеральда, распростертая у ногъ истукана, похожая на мальчика въ своемъ мужскомъ костюмѣ и въ высокихъ сапогахъ. Она мертва: на груди, рядомъ съ полуувядшей вѣткой шиповника сверкаютъ красныя капли.

Я смотрю на стараго бога: застывшею безстыдною улыбкой улыбаются толстыя каменныя губы, и всѣмъ существомъ ощущаю я, какую великую муку испытала Эсмеральда, умирая.

Бѣшенное состраданіе охватываетъ меня. Къ трупу любимой моей хочу я склониться и долго плакать надъ нею, замученной и убитой.

Но вдругъ неяснымъ ужасомъ взволнована моя душа: рѣзкая тѣнь, упавшая отъ длинныхъ опущенныхъ рѣсницъ Эсмеральды, странная яркость ея губъ, слишкомъ алыхъ на слишкомъ блѣдномъ лицѣ говорятъ мнѣ: не одно страданіе чувствовала Эсмеральда, умирая.

Темнымъ и мерзкимъ сладострастіемъ дышутъ ея мертвыя губы и замкнутыя

очи, осѣненныя длинными рѣсницами. Въ мукахъ смерти, нагнавшей дерзкую своевольницу средь грозныхъ просторовъ степи, таилось злобное наслажденіе, и мнится мнѣ, въ холодномъ трупѣ женщины еще дышитъ, еще бьется воля къ страстной пыткѣ.

И мнѣ начинаетъ казаться, что сейчасъ эта воля исполнится: встанетъ Эсмеральда съ выжженной, горячей земли.

Но не моей безмѣрной любви, не моей несказанной жалости отвѣтятъ ея синіе взоры.

Кривя слишкомъ красныя на слишкомъ блѣдномъ лицѣ губы тою же безстыдною усмѣшкою, которой усмѣхается старый богъ, вся проникнутая желаніемъ новой жестокой и страстной муки повлечется она къ истукану, въ жаждѣ ласкъ нечестивыхъ и смертныхъ.

И просыпаюсь я въ неизбывной тоскѣ и до зари плачу отъ ужаса и горя.

Новочеркасскъ.
22 декабря 1918 г.

СОЛНЕЧНАЯ ПЫЛЬ

РАЗСКАЗЪ

«А тамъ... тамъ, въ недосягаемой глубинѣ неба, и свѣтъ, и тепло, будто жилище души, и душа невольно тянется къ этому источнику извѣчнаго свѣта.»

Кн. В. Ѳ. Одоевскій, „Русскія ночи".

I

Когда закатное солнце сверкающимъ шаромъ низко нависаетъ надъ мягкой, лѣнивой линіей горъ, — все пространство между ними и лентой сѣровато-бѣлаго шоссе, змѣящагося вдоль садовыхъ оградъ, заливается теплою зелено-золотистою мглою. Горы сквозь нее воздушно голубѣютъ и кажутся театрально ненастоящими: вотъ-вотъ, какъ декорація при чистой перемѣнѣ, взовьются къ перечеркнутой струйками рѣдкихъ облаковъ небесной лазури.

Этотъ прозрачно золотистый дымъ, дѣлающій предметы фантастически-легкими,

всегда приводитъ Лелю въ неизъяснимое волненіе, и дѣвушка готова вѣрить Тилькѣ Налинову, семнадцатилѣтнему изгнаннику изъ слишкомъ многихъ гимназій и поэту, что предзакатная дымка—солнечная пыль, миріады мелкихъ, оторванныхъ отъ солнца частицъ.

Сегодня солнечная пыль волнуетъ Лелю особенно радостно.

Едва она выѣхала изъ воротъ Чукурлара, на кремнистое шоссе, закатная радость подняла въ ней буйный, невыразимый словами, восторгъ.

Широко раскрытыми, блестящими глазами видитъ Леля зелено-золотистую мглу, пролитую надъ дремлющими въ сладострастной истомѣ садами, бѣлыя дачи, горящія мѣдно-кованными окнами, черныя свѣчи кипарисовъ, устремленныя къ уходящему солнцу,—и, словно отъ сладкаго вина, кружится голова Лели... Хочется стать воздушно-легкой, совсѣмъ не чувствовать себя, безъ оглядки растаять въ золотомъ туманѣ.

— Какъ хорошо! Какъ хорошо! смѣется Леля, съ наслажденіемъ чувствуя, какъ

тепло и атласно струится вокругъ ея тѣла всколохнутый бѣгомъ коня воздухъ.

Леля обгоняетъ ѣдущую впереди компанію. Съ какой то особенной, рѣзкой четкостью примѣчаются: спокойные, важные папа и мама, подъ полотнянымъ балдахиномъ коляски, и на переднемъ сидѣніи — раскисшій, недовольный Хроботовъ; Маша Григорьевна въ войлочномъ грибѣ малахая, неуклюже умостившаяся на жирной бѣлой лошади, которую, по обыкновенію, не можетъ заставить отдалиться отъ крыла экипажа; гарцующій на вороной Маврита́нкѣ Тилька; Люси, словно вопросительный знакъ изогнутая въ дамскомъ сѣдлѣ; Александръ Александровичъ, съ вѣжливо безразличной улыбкой, обратившій къ Люси свое сухое, похожее на древнюю римскую монету, лицо.

Мимолетно чувствуетъ Леля: она сейчасъ всѣмъ очень понравилась. Всѣ, даже завистница Маша Григорьевна, радостно восприняли и запомнили тонкій, черный дѣвичій силуэтъ, взвившійся на мужскомъ сѣдлѣ, милое лицо, освѣтленное ясной улыбкой, маленькія стройныя ноги, четкія

высокими блестящими сапогами на буланой масти лошади.

Удовольствіе оттого, что всѣмъ понравилась, невнятно сливается съ счастьемъ солнечной пыли, и, опьяненная шелковистыми прикосновеніями вѣтра, ровной иноходью коня, звонкимъ цоканьемъ копытъ, дальше, дальше стремится Леля, чувствуя себя легкой, невѣсомой, словно тѣло ея сплетено изъ золотистаго блеска, что ликуетъ сейчасъ надъ землею.

Сзади слышенъ быстрый топотъ: Тилька догоняетъ. Своевольно шаловливой прихотью вспыхиваетъ Леля: пусть не догонитъ... пусть ни за что не догонитъ.

Стэкъ со свистомъ разрѣзаетъ воздухъ, не касаясь лошади,—жалко дѣлать больно милой Минутѣ,—и навстрѣчу Лелѣ бѣшенымъ бѣгомъ мчатся сѣрыя отъ придорожнаго праха уксусныя деревья, каменная стѣнка невысокой ограды, неуклюжая мажара, шагающій рядомъ съ ней черный и задумчивый татаринъ. Внезапно, далеко внизу, подъ пологимъ скатомъ изумрудной волны ливадійскихъ виноградниковъ, развертывается горячо-синее, все въ золотыхъ блесткахъ отраженной солнечной

пыли, море. Темные кусты на обочинѣ дороги, обвѣшанные бѣлыми гроздьями цвѣтовъ, дохнули сладкимъ, мутно-притор-нымъ запахомъ.

И, сливаясь въ одну ненаглядную сол-нечную радость, запоминаются легко, вольно и навсегда, и лазурное, въ золотѣ, море, и томный запахъ бѣлыхъ цвѣтовъ, и шелковыя струи теплаго вѣтра, и тор-жественный блескъ заката.

Густолиственный наметъ платановъ вне-запно распростертъ надъ шоссе, мостомъ переброшенное черезъ глубокій оврагъ, откуда вѣетъ влажная прохлада.

Леля останавливаетъ Минуту. Топота больше не слышно.

— Не догналъ! не догналъ!

И, поднявъ глаза, къ дремучему своду, въ просвѣтахъ котораго проливается все тотъ же зелено-золотой, прозрачный свѣтъ. Леля изнемогаетъ отъ неизъяснимо ра-достнаго чувства.

— Какъ хорошо! Какъ хорошо! Счастье какое!.... Солнечная пыль... Солнечная пыль.

II

Крутыми поворотами уводитъ внизъ простремившаяся подъ густолиственными деревьями, полная таинственно-зеленаго свѣта и свѣжей прохлады, тропинка. По ней вихремъ струится черная амазонка Лели, и бѣлымъ пятномъ промелькиваетъ китель Тили.

Изрѣдка оборачиваясь и поддразнивая Тилю румяною улыбкой, мчится Леля.

Не догонитъ... Не догонитъ...

У стараго дуба, изъ дупла котораго въ плоскій водоемъ, журча, падаетъ серебристая нитка студеной воды, тропинка внезапно расширяется въ продолговатую площадку.

Сразу останавливается разбѣжавшаяся Леля. Наклонясь къ роднику, перехватываетъ запекшимися губами холодную струю, и внезапно все существо дѣвушки преисполняется сладостной свѣжестью:

стала легкой, воздушной, взмахну руками и взлечу, какъ птица.

Леля оглядывается, гдѣ же Тилька? и, обезсилѣвъ отъ внезапнаго смѣха, опускается на большой камень рядомъ съ водоемомъ: вытянувшись въ струнку, съ рукою у козырька, выпучивъ глаза, стоитъ Тилька и строитъ смѣхотворную рожу.

— Какой дуракъ! Боже, какой идіотъ! хохочетъ Леля.

— Такъ точно, ваше превосходительство! гаркаетъ семнадцатилѣтній изгнанникъ изъ слишкомъ многихъ гимназій.

Леля, зачерпнувъ воды въ плоскомъ водоемѣ, плескаетъ на него серебристыми брызгами. Только пуще напыжился.

— Тилька! будетъ! Вольно!

Тиля срываетъ съ головы фуражку и во весь ростъ растягивается у ногъ дѣвушки.

— «У ногъ твоихъ р-р-р-а-б-омъ умру!»

— Убирайтесь вонъ, нахалъ! отталкиваетъ его Леля.

— «О, не гони, меня ты любишь,
И не оставлю я тебя!»
въ восторгѣ взвивается Тилька.

— Удивительно неудачныя цитаты, — дѣлаетъ презирительную гримаску Леля. —Неужели вы воображаете, что можно влюбиться въ семнадцатилѣтняго мальчишку?

— О, Господи! воздымаетъ руки къ небу Тилька. — Семнадцатилѣтній мальчишка! И кто это говоритъ? дѣвчонка изъ Бальмонтовскаго стихотворенія:

«О, счастливая дѣвушка шестнадцати лѣтъ.
О, возрастъ невинности и первыхъ побѣдъ»!

— Мы, женщины, — взрослыя уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда вы еще въ Америку къ индѣйцамъ бѣгаете.

— А-а-а. Мы, женщины... Значитъ, вы почитаете себя женщиной, а не дѣвочкой? радуется Тилька.

— Конечно, по сравненію съ вами.

— Въ такомъ случаѣ, впадаетъ въ изступленіе Тилька, позвольте сдѣлать вамъ любовную декларацію, потому что я люблю всѣхъ женщинъ! Живу и люблю! Всѣхъ! всѣхъ!

— Ишь, какой прыткій! хохочетъ Леля. — И Машу Григорьевну?

— Милостивая государыня! гордо выпрямляется Тилька. — Прошу не зада-

вать мнѣ подобныхъ позорящихъ мою честь вопросовъ. Маша Григорьевна — не женщина, но грибъ, гнилая масленка, древесное чудище. Сегодня, когда она въ малахаѣ и парусиновыхъ туфляхъ взгромоздилась на своего бѣлаго мустанга, даже эта тварь безсловесная не выдержала и тихо прошептала: — Почто наказуеши, о Господи?

— Словъ мустанговыхъ не слыхала, смѣется Леля, но съ ними вполнѣ согласна. Бѣдная Маша на конѣ — зрѣлище, дѣйствительно, грустное!

— Посему не будемъ говорить о немъ, ибо въ Писаніи сказано, что христіанину о подобныхъ мерзостяхъ не слѣдуетъ даже думать. Лучше оставимъ разныя гадости и отдадимъ наши души высокому и прекрасному, говоритъ Тилька, и вдругъ его сильныя, крѣпкія руки быстро обнимаютъ Лелинъ станъ. Прямо въ ея очи заглядываютъ каріе веселые глаза, и пухлыя, почти дѣтскія, безусыя губы тянутся къ ея устамъ.

— Пустите! Пожалуйста безъ дерзостей! вырывается Леля изъ объятій мальчика. Тиля отпускаетъ ее, и она, растре-

панная, красная, сердитая недовольно говоритъ ему:

— Что за безобразіе? Бить васъ надо! Бить и обивки вколачивать! Окаянный какой!

— Ну, милая, хорошая, сиреневая, тянется къ ней Тилька. — Не надо на меня гнѣваться. Я вѣдь хорошій, симпатичный, и такъ люблю тебя.

— Это что еще за глупости? негодуетъ Леля. — Какъ вы смѣете говорить мнѣ «ты»?

— Но я же люблю тебя... Ужасно люблю... Не злись... Не злись, радость моя ненаглядная.

Мутно-прозрачная теплота наплываетъ на Лелю. Пріятно кружится голова. Близко передъ ея лицомъ блестятъ большіе смѣющіеся глаза Тили. И безвольныя Лелины руки уже не отталкиваютъ мальчика. Въ сладостномъ изнеможеніи она полузакрываетъ глаза, и внезапно ея губы чувствуютъ долгій, крѣпкій, горячій поцѣлуй.

Безудержнымъ восторгомъ полнится все существо дѣвушки. Она хочетъ бѣжать, сама не зная, куда, но крѣпкія руки Тили ловятъ ее. И новые, новые поцѣлуи

сыплются на румяно-загорѣлыя щеки, на теплыя уста, на полузакрытыя очи.

И кажется Лелѣ, что весь міръ залитъ, захлестнутъ солнечной пылью: тѣло дѣвушки, какъ-будто расплывается въ закатномъ блескѣ, и она не чувствуетъ ничего, кромѣ зелено-золотой дымки уходящаго солнца и этихъ жаркихъ поцѣлуевъ влюбленнаго мальчишки...

III

Послѣ прогулки, вся компанія, даже папа съ мамой, отправилась въ городской садъ ужинать.

Леля не пошла: ей не хочется ни смотрѣть на разряженную толпу, шаркающую по гравію аллей, ни слушать визгъ румынскаго оркестра.

Оставшись одна, Леля поднимается наверхъ въ свою комнату. Она мѣняетъ амазонку и пыльные сапожки на капотикъ и туфли, заплетаетъ на ночь косу, но затѣмъ ею овладѣваетъ нѣжная истома. Тѣло дѣвушки размаяно пріятной усталостью; лѣнь даже думать о необходимой возни вечерняго раздѣванія.

Потушивъ электричество, Леля выходитъ на балконъ.

Голубая и серебряная ночь развертывается надъ міромъ. Теплый бризъ легко струитъ прозрачный воздухъ, напоенный

запахомъ бѣло-восковыхъ чашекъ магноліи.

И этотъ запахъ, лимонно-ванильный, и слегка грибной, нѣжно сливается съ острымъ пряным ароматомъ лавра, съ грустно тонкими духами розовой мимозы, съ чуть слышнымъ солоновато-іодистымъ дыханіемъ моря.

Звуки отчетливы и нѣжны. Въ городскомъ саду играютъ какой-то вальсъ, и издали веселая мелодія кажется печальной и какъ-то особенно мягко звучатъ взрывы бойкаго fortissimo тарелокъ. Неумолчными флейтами трещатъ цикады. Жалобно стонутъ сплюшки:*) «сплю-у, сплю-у».

Лелѣ съ балкона видна Ялта, темными садами медленно всползающая къ застывшимъ въ лунномъ серебрѣ, яснымъ и близкимъ горамъ. Кое-гдѣ блѣдно-золотыми точками сверкаютъ огоньки. Бѣлыя стѣны домовъ, на которыя свѣтъ мѣсяца навелъ матовую синеву, яснымъ пятнами выдѣляются межъ почти черныхъ деревьевъ.

---

*) Сплюшка — крымское названіе ночной птицы, (видъ козодоя).

Прямою струйкой протянулась жемчужная нить фонарей на Набережной. Дальше, словно драгоцѣнный камень, сверкаетъ топовый огонь заснувшаго у мола парохода, и красными вспышками вздрагиваетъ башенка невысокаго маяка.

А еще дальше раскидывается темно-синяя морская ширь. Пересѣченная золотыми чешуйками отраженнаго мѣсяца, она на горизонтѣ сливается съ луннымъ свѣтомъ въ одну прозрачную дымку и кажется неоглядной.

Ясною высью своею объемля и море, и горы, и бѣлостѣнный городъ съ его темными садами, словно торжественный куполъ, возносится ночное небо. Трепетными свѣчечками посверкиваютъ рѣдкія звѣзды, теряя свой блескъ въ гордомъ сіяньи полной луны, будто большой серебряный щитъ висящей на синемъ сводѣ.

Умиленная ночною красою, Леля бездумно отдается лунной истомѣ. Словно драгоцѣнною влагою напояетъ свѣтлая ночь дѣвушку, и въ безвольномъ очарованіи млѣетъ и томится ея сердце.

Полная тихой невыразимой радости, Леля закрываетъ лицо узкими полудѣт-

скими руками своими. Онѣ пахнутъ кожей уздечки, нѣжными, слабыми духами, рѣзко миндальными листьями лавровишни, и этотъ пріятный, смѣшанный запахъ будитъ веселую память прошедшаго дня.

Вспоминаетъ Леля, и быстрый летъ Минуты по кремнистому шоссе, и бѣготню съ Тилькой подъ густолиственными навѣсами Ореанды, и обратный путь, когда изъ ставшаго похожимъ на темный шелкъ моря медленно выползъ мѣдный кругъ полной луны, а неотступно скакавшій рядомъ съ Лелей Тилька ежеминутно ловилъ и цѣловалъ лѣвую руку дѣвушки.

Все сейчасъ дорого и мило Лелѣ — и то, какъ мама ласково погрозила ей пальцемъ, когда они съ Тилькой, запыхавшіеся, красные, сконфуженные нечаянными поцѣлуями, прибѣжали къ расположившейся на развалинахъ ореандскаго дворца компаніи, и лукавыя слова Люси: — Однако, Лелька, ты сегодня балансируешь! и добродушныя шутки мужчинъ надъ слишкомъ яркимъ румянцемъ щекъ дѣвушки. Даже несносное брюзжаніе Хроботова, по обыкновенію до-

садовавшаго, зачѣмъ онъ поѣхалъ въ Крымъ, а не въ Киссингенъ, даже скучныя рацеи Маши Григорьевны: — ты ведешь себя, какъ дѣвчонка... неприличіе, безобразіе... вспоминаются свѣтло и пріятно.

Но свѣтлѣе всего вспоминаются зеленозолотистый блескъ солнечной пыли и крѣпкіе поцѣлуи влюбленнаго мальчика. Эта память, непонятно слитая съ восторгомъ передъ красою сине-серебряной ночи, полнитъ Лелю нѣжнымъ очарованіемъ, и томится дѣвушка отъ радости бездумной, немножко стыдной, заставляющей щеки горѣть огнемъ и глаза наполняться невольными, счастливыми слезами.

Быстрые шаги раздаются внизу.

Изъ-за узорнаго переплета дикаго винограда Леля видитъ на широкой аллеѣ бѣлое пятно кителя, кажущееся отъ луннаго свѣта голубоватымъ. Это Тилька идетъ къ большому мимозовому дереву: по высокой поэтичности своей натуры семнадцатилѣтній изгнанникъ изъ слишкомъ многихъ гимназій не можетъ заснуть, если у него на ночномъ столикѣ не лежитъ розовый цвѣтокъ мимозы...

Прихотливой шалостью загорается Леля.

Тихо посмѣиваясь, она высовываетъ голову изъ-за виноградныхъ листьевъ, кричитъ: — Ау! и быстро прячется.

Тилька, забывъ о мимозѣ, бросается къ балкону.

— Леля, милая, выгляни, милая, я жду, слышитъ дѣвушка его быстрый шопотъ. Неугомонный смѣхъ охватываетъ ее; она чувствуетъ: безмѣрно влюбленный и счастливый Тилька искренне думаетъ, что онъ очень похожъ на Ромео.

— Сейчасъ стихами заговоритъ, смѣется Леля.

— Выгляни! Еще не поздно умоляетъ Тилька.

«Нѣтъ, то не жаворонокъ, то пѣнье соловья;
Онъ каждый день на деревѣ гранатномъ поетъ,
Зарю встрѣчая...»

Смѣшная мысль внезапно осѣняетъ Лелю. На столѣ передъ нею стоитъ большая ваза, со свѣжими лѣсными орѣхами. Полную пригоршню ихъ беретъ дѣвушка и, звонко расхохотавшись, бросаетъ внизъ, прямо на голову Тилѣ.

Съ сухимъ щелканьемъ стукаются орѣхи о гладкій гравій дорожки.

— Будетъ! Не шалите! Покажитесь лучше! Порадуйте меня; весело отвѣчаетъ Тилька на странное привѣтствіе.

Но Леля уже не слушаетъ. Немыслимымъ восторгомъ взыграло ея сердце, и она убѣгаетъ въ комнату, радостная и счастливая, на прощанье крикнувъ мальчику:

— До завтра! Спокойной ночи!

Съ розмаха бросается она на кровать и зарывается головой въ подушку, тихо повизгивая отъ пронзившаго все существо ея безотчетнаго, звѣринаго веселья. Зажмуриваетъ глаза, и зелено-золотистая прозрачная мгла расплывается вокругъ нея. И мнится Лелѣ, что ея тѣло истончается, таетъ въ прощальномъ блескѣ закатнаго солнца. Трепеща отъ неизъяснимаго счастья и не понимая, въ чемъ оно, но чувствуя, что никогда еще ей не было такъ сладко и хорошо, Леля лепечетъ, и плача и смѣясь:

— Какъ чудно... Какъ чудно... Солнечная пыль... Солнечная пыль...

Ялта
12 сентября 1920 г.